

**Анна
Золотарёва
Зрелище**

Книга стихов

О-ГИ

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

3-80

Макет и оформление *Андрея Рыбакова*

Золотарёва А. А.

3-80 Зрелище. Книга стихов / Анна Золотарёва. — М: ОГИ, 2013. — 72 с.

ISBN 978-5-94282-687-1

В стихах Анны Золотарёвой гармонично сочетаются народно-песенная и литературно-авангардная традиции. В книгу вошли стихотворения, написанные и опубликованные в литературных журналах за последние 10 лет.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-94282-687-1

© А. Золотарева, 2013

© ОГИ, 2013

Действие 1

* * *

дерево видеть как дерево
дерево видеть как что-то иное
дерево видеть как зарево
дерево видеть как море
дерево видеть как ниточку —
потяни и распухнет шар земной
дерево видеть как девочку
дерево лось подошёл к водопою
дерево лёгкие
и во все тяжкие!
дерево боль моя
дерево соль земли
дерево дерево я повстречал тебя
дерево знаешь а всё-таки дерево
видишь стою пред тобою как дерево
и прорастаю корнями

* * *

вспомни о ком-нибудь и...

Саша Соколов

Это чужое во мне говорит
искрой мерцает иль пламенем пляшет
ищущий да однажды обрящет
алчущий да когда-то сгорит

алой рябины ли горькую кисть
или сухую воду тем паче
мне до отчаянья хочется грызть
до возгорания делаясь зрячей

делаясь ждущей покуда совьёт
ся из всего тишиною звенящий
голос мой чтобы став настоящей
тело чужое принять за своё

* * *

Ты иди, ты иди — я пойду за тобой.
По дороге безмолвия стать бы любой,
но к тебе извне бесконечно дико,
это значит, что я — я твоя Эвридика.
Это значит, что ты бесконечный Орфей —
весь земной от земли и до самых бровей,
ну а выше ты, небо — поэзия мира,
и в объятьях твоих стонет новая лира.
Гибнуть было не страшно — страшнее очнуться,
чтобы в полоборота ты взглядом коснулся,
чтобы снова теряя рассудок и тело —
вглубь, в зрачки, как в Аид,
без конца,
без предела.

* * *

Тени сливаются, шествуют грузно,
тьень ненасытна становится вечером, ночью,
что-то кричит разъярённая муза,
вполуха слушаю, путая, переставляя строчки.
Всё ускользает, превращается в толокно,
взор выворачивается наизнанку,
как летучие мыши, грифоны парят за окном —
ищут, но не меня, — в общем-то странно,
что они ещё не умерли с голоду.
Кричите о буре, альбатросы бессонной ночи!
Некуда спрятаться этому жирному городу,
да он уже ничего и не хочет.
Тело теряет свои очертания,
и ни черта не разобрать:
на голове обозначилась талия,
на животе глаза!
У меня в ванной поселился ручей,
сегодня он был хрустально чист,
как утренний воздух, как слово *ничей*,
как утренний первый лист.
Целый день он весело прыгал по
раковине, её керамическим склонам;
он сводил с ума, булькал: *с тобой*
навсегда, навсегда... — бессонный.

Я хотела его заглушить, задушить
поворотом крана.

Я хотела его не заметить, забыть,
завязать, как открытую рану.

Но вдруг над ним зашумела речь
шелестя суффиксами,

прорастая корнями,

и теперь мне и ночью не лечь,

быть теперь замороженной днями

и терять очертания, и за чертой

между ударами сердца —

да! —

становиться совсем *не той*,

становиться, как та вода,

и журчать в небеса:

с тобой

с тобой

навсегда

навсегда

навсегда.

* * *

И море встало за окном —
и мир, и мрак, и мор, и морок,
в уснувший дом за пыльной шторой
мерцающим кося зрачком.

И море встало за окном —
мраз, марево, и мощь, и малость,
сняв горечь, что со дня осталась,
с уст спящих жестким языком.

И море встало за окном —
то море — миг, и месть, и милость,
и мука, и, войдя, склонилось
к ребенку памятью и сном.

И море встало за окном,
накрыв собой деревья, крыши,
покуда спят, покуда слышат,
как волны плещутся о дом.

* * *

Господи, сколько ж мне дадено!
Чёрного дадено, белого,
нежного и горелого,
только не надо мне краденого.

Господи, сколько же отнято!
Громкого отнято, грубого,
пёстро́го и глупого,
но не отнимешь опыта.

Что же ещё уготовано?
Господи, всё с благодарностью
встречу, всё, что осталось мне,
только не обессловливай!

* * *

поговорим за жизнь
(много ли сможешь ты за неё сказать?)
и помолчим за смерть
(долго ли я смогу за неё молчать?)
в тесных надеждах в надорванный первоапрель
выйдем во вне из себя в приоткрытую дверь
из скорлупы мира тёмного круга
в тесных надеждах так жарко так жалко друг друга
поговори за меня
светлым следам на снегу
есть что сказать за тебя
чувствуешь гул
лепета и бормотанья растёт за плечами?
слышишь ли
чьё-то
прерывистое
молчанье?

СУМЕРКИ

1

в стенах стекла качается весь мир
и обжигающе вливается в гортань
вот так и наступают сумерки
дыханьем перегара полдня
не спрашивай по ком звенит посуда
на столиках кафе
не спрашивай
ведь ты ещё надеешься вернуться
ведь ты
ведь ты ещё надеешься

2

половина тела вливается в ночь
другая в светящуюся витрину
не пытай меняясь себя превозмочь
выбрать нужную половину
ту мерцающую в темноте
ту застывшую на свету
со вселенной в животе
с сигаретой во рту

3

только сумерки — сумма ума и реки
утекающей за пределы его в темноту
расходящиеся по домам старики
чинно вступающие в немоту

волочат сумерки за собой
шаркающими светлыми ногами
остаётся лишь неумолчный прибой
речи
раздвигающий камни
домов
поглощённый тобой

* * *

городу X

здесь конечно же всё пахнет востоком
папоротником кипящим рисом и лотосом
ветер в железных телах водостоков
изнемогает когда распускаются длинные чёрные волосы
воды
по сутулым плечам тротуаров
и взрываются розовым сакуры ветки
ты как будто бы книги касаешься старой
и ветхой
где тягуче-медлительны мысли и вёсны и зори
и узоры людей иероглифы пишут теней
не сочтёшь никогда не прочтёшь
не умея мир с конца
лишь зовущему ритму
всей кровью и голосом вторя
на мгновенье удержишься в ней
так тревожные рыбки
всегда восходящего солнца
застревают на стеклах
в оконцах кирпичных сетей

ФОТОУВЕЛИЧЕНИЕ

Гибель оранжевого — надрыв апельсиновой корки,
белое рыхлое там под глянцевой грубостью.
Петь сегодня хотелось красиво и нежно, как Лорка,
только губы свело от приторной сладости.

Где-то там безмолвное в небе крушение облака:
тонет и чувственно в землю вжимает капельки.
Душу свою тащила к любви, точно деву волоком —
волком явилась любовь и насытилась маленькой.

Мысль ускользает по малиновой патоке нежности.
Снежности бы. Слишком много навязчиво яркого.
Чёрное белое крупнозернистой реальности
остановило бы исчезание некого.

Но никого нет — апельсин в блёклом свете на столике,
томик стихов пахнет пылью и мокрой улицей.
Чувство не волком глядит — красными глазками кролика
под шелестом утра: «забудется...

сбудется...

будется...»

* * *

квартира из которой выносят вещи
похожа на рыбу со вспоротым животом
немая прежде теперь она становится вещью
и хрипло кричит деревянным ртом
возле неё на пол вывалена требуха
хлам картины картонки с глухим
постуком книг икрины ваз прочая чепуха
и сорваны занавески — пыльные плавники

рыба гниёт с головы а квартира с порога
уже отдаёт тошнотворным душком пустоты
забвения как мало ей нужно было как много
чтоб остовом жутким книжных полок остыть
черно-зелёный май напряжённый и быстрый
кошкой вонзает жёлтые зубы в сухую спину
рыбы в чреве которой женщина с чистым
профилем ткёт полусны

полусны

паутину

* * *

движутся сквозь меня
жёстким цепляя дном
тяжкие города
время моё темно
месиво толкотня
молотая слюда

боже какая ширь
рост отрицая и вес
пустошей народив
всё поглощает весь
переплавляя мир
в мертвенный нарратив

лица машины зной
камень и гул дома
город базар вокзал
можно сойти с ума
всё перечислив но
ничего не сказав

приподними сплоти
дай посмотреть извне
как города поют
ломким хором а мне
новый даруй мотив
и глубину твою

ИМЯ

Из вечности в вещьность войти и остаться в предметах,
рассыпаться в них или именем собственным стать,
простым палиндромом, читаемым так или этак,
из шероховатости пестрой на строгую гладь

наткнуться и отразиться в себе там, на стыке
согласных, отринуть и разделить на два
ни в чём не согласных из полувопроса и крика,
и снова едина — ОНА — пошатнувшись едва.

Там тень телеграфных столбов у железной дороги,
грохочущей и увозящей по две стороны
болящие А. Это в путях на каторгу ноги
и прочь журавли над чертою китайской стены,

и мечется эхо от возгласа-стона «Осанна!»,
разорванного в многоротой пьянящей толпе,
но Анна есть Анна, по-прежнему Анна есть Анна,
и створки смыкает, став вещью самою в себе.

* * *

едоки километров в пропотевших и душных вагонах
что варёный картофель — таящий горячую мякоть
их печаль горяча и на трещинах на изломах
прорывается паром белёсая рваная память

что колосья качаются хмурого хлебного поля
зреют думой — землю — которая прежде любила
перекошены все — о, как страшен молчащий от боли
в шелухе своей — *где же корни?* — лишь вёрсты да мили

ускользанием полнятся поступью после всё после
будет солнце в цвету будет сытная сочная почва
и не зря умирали — опять всколыхнутся колосья
и спадёт кожура и прозреют туманные очи

но въедается в голос им в мякоть им копотью стоном
перебоем и скомканным временем поезд тяжёлый
ездакам безответным за светом бормочет бессонный
что искать не найти этот жёлтый

подсолнечно-жёлтый

* * *

всю ночь прозрачный шостакович
встаёт из тёмного угла
внутри него внутри стекла
слепая музыка клокочет
и разливается

по-птичьи
пред-чувственно и пред-язычно
рекой

до-словной

без-конечной

над-человечно
как будто здесь живая мука
как будто не было ни звука
лишь время рушится в зарю
лишь бездны мрачной на краю
парит прозрачный шостакович

.....

я распадаюсь я горю —
крупницы вымысла и числа
непонимания и смысла
всегда-разлука нежность злость
тугие зёрна языка —
переплавляются в стекло
звучащее легко

легко —

из зыбкого

меня

песка

* * *

не стихи писать а словесной ватой
уши закладывать чтобы не слышать
как суетливо и воровато
мимо меня что-то страшное тащит
время в свою незримую нору

чтоб не заметить как в смутную пору
ноябрь роняя декабрь подбирая
город становится мёрзлым и грязным
точно мышиный подвал копейка
в канаве девка на выданье в обломе
вот и твержу бормочу бессвязно
всё течёт
всё разрушается
в этом доме
будет снег да ещё налей-ка
и живу не ведая ничего не зная

отчего же ты обмираешь молчишь
да и мысли твои не в склад не в лад? —
оттого что я этого века боюсь
всепроникающего зверька —
волкодав давно превратился в мышь
ненасытен стал неприметен и шустр
лишь глаза в темноте из норы горят
не мигая как два уголька

Действие 2

* * *

Что ты стоишь притаясь у порога?
Ты — бесновата, или — убога?
Что ты бормочешь? — в такой тишине
не разобрать ни слога.

Что же ты хочешь? Лжецом ли, пророком
бродишь у двери, касаешься окон,
днём растворяешь, а ночью, губя,
с неба глядишь многоока?

Прочь уходи! Я не помню себя,
всё, что когда-то хранила, любя,
ты отбираешь без толку.

Складывая в коробочки слов —
горе и радость, движения снов —
жизнеточивые дольки.

Что возвращаешь (не речь — не легка,
но — не оскудей же рука)
мне безнадежной? — родного
крепкую кость языка.

* * *

с лицом ли дурацким с заумною песней
вслепую возделывать словеса
при жизни духовной да сути телесной
надтреснутым колоколом под бездной
неловко гудеть на все голоса

а если б могла говорила бы нежным
сердечным ласкающим языком
подобным природе подобно прилежным
растеньям в кружавчиках белоснежных
к весне обращённым каждым цветком

чтоб божия тварь и небожия тоже
летела влекома на образ на звук
своё узнавая и то что ей гоже
с лихвой восхваляя лезла б из кожи
иль кроткою птицей кормилась из рук

но всё что имею нелепо громадно
а уединения не сулит
грозится распадом коснит беспощадно
дарит отнимает талдычит невнятно
и сам человек на осколки разбит

я движет *она* ощущаю а *нечто*
прислушивался отбирая слова
дух ведать не ведал что тело конечно
что в вечность его не пропишешь что вечность
вращает натруженные жернова

АРАХНА

То, что сумеешь поймать на лету — всё — от края до края,
птиц пробудившихся утренний всполох и гам,
слитый в единый комок, и опять двоим, раздираем
город немой — город твой или в жертву векам
брошенный миг — красоту, всю безбрежность,
что разливается, стóбит к другим берегам
путнику курс обратить, простоты невозможность

или окрашенный душным и ленным, в полосы синим
полдень, не обещающий больше уже ничего,
меркнувший, что бы его ни просили, о чём ни спросили,
и приходящий бессменно на смену его
вечер высокий и долгий, как песнь иноверца,
переливающий, пьющий, поющий любовь тела, прижатого к телу, всего
пляску биения сердца с биением сердца,

грохот шагов рока вослед, исхолмившего бычью
выю — всё — вытки, сплети заплетающимся языком,
как от вина пьяным стекающей речью,
красною нитью от мира, мятущегося клубком,
но не гордись выделкой тонкой, тканью чудесной, Арахна!
или чудовищем станешь ты в наказание — пауком,
прялкой для темноты, немоты, одиночества, шороха, страха.

ВЕШНЕМУ ТЕПЛУ

*о вы в которых боль
по беспокойству духа
вам дышится легко ль
довольно ль вам простору
не к городу и миру
а к голоду и мору
настроенную лиру
звончальную старуху*

высоко ли подняв
иль к сердцу прижимая
чтоб точно цок коня
дробя ещё до слуха
не тѣк бы ток разрухи
не лязгал и не бухал
по струнам говорухи
когда она больная

чтоб требующа мяса
и гульбища страна
меж тряскою и плясом
клянясь и изменяя
над пропастью зевая
над пошlostью зияя
ни добрая ни злая
утишилась сполна

здесь каждый звук как боль
в нём ни пера ни пуха
и черни и кумиру
здесь смерть ясней чем явь
и лиру спрятать впору
чтоб тёмная сплошная
объяв и опоясав
забыла имена

* * *

бедной мелочью звеня
жизнь моя живёт меня

безразлична ко всему
только к телу моему

скоро уж завянет плод
а она живёт жуёт

равнодушна ко всему
только к делу своему

В АНГЕЛОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Каждый Ангел ужасен...

Р. М. Рильке

В Ангеловом переулке каждый ангел прекрасен
норд охладил им головы вест расшатал сердца
по-над уличной грязью из затхло-тёмных подъездов
будто в давних затертых идут
оветренных вестернах

Что на горошине этой земли может потеряться
как позабыть ангела — им ли искать ответ
крылья со спин сорвавшим о шершавые подворотни
не хрупкозвучным эфиром небес
но мясом воско́рмленным

О ничего человеческого ангелам этим не чуждо
в то лишь на этом свете что удержать в руках
ангелы — костные в шаг и тяжелоступные верят
людям теперь к высям всплывать
дано облачноплавленным

Так и идут — в кармане — перышко — для вознесенья
ни перед кем на коленях склонёнными им не бывать
в Ангеловом переулке каждый — ангел
забытые облетенцы — поте-
рянное поколение

* * *

Максиму Амелину

этот рассвет разрушитель предметов и линий
вот он вливается пепельно-розовый взорванно-синий

вот он к тебе прикасается вот уже нет тебя
всепоглощающе всё размывая губя

ранний рассвет авангардист и новатор
слышишь отдай возврати что без права отнято

взорванно-пепельно не искажай мне лицо
там где любимый лежал — проступил пикассо

синий да розовый — взорванно-сложных — филонов — голов
смешанный ларионов — навывлет лучи из углов

не революция не катастрофа — рассвет
нет меня нет тебя и ничего уже нет

всё — ничего только утренняя пустота
внутренняя красота отрешенность холста

чёткий твой профиль проступит на нём обновлён
мною погублен распадом рассветом спасён

скоро распустится всё расцветёт во свету
птицы пропишут первые звуки дворник черту

БЫКИ ПИКАССО

мчатся как будто сама красота
напряжены ото лба до хвоста
точно одна черта

в улицах узких крики — быки!
точно мечта — невесомы легки
и от земли далеки

только под ними камни поют
что несомненно сейчас же умрут
станут песком минут!

бычьи тела рассекут пустоту
на́ две и содрогнётся в бреду
воздух — ату! ату!

точно сама красота летят
будто бы не было слова — назад!
будто прощальный взгляд

вперив в пространство кривые рога
не обagrённые кровью пока
в пене и песне бока

и впереди человек — один
воздух — огонь в его узкой груди
время костёр впереди!

как он смешно и нелепо бежит
он и не знал что он раньше не жил
что есть лопатки у крыл!

что-то растёт уже больше чем страх
и на сухих расцветает губах
не удержать в руках

это взрывается выросший крик
силу дая и свободу на миг
и тишиною — бык

в улицах узких летит тишина
ночь никогда не выдавшая сна
в улицах узких — без дна

* * *

Сергею Бирюкову

Что я могу вообще обеща-
сутью скользящую дырбулща
смысл любой что твоя праща
речью раскручен
видимо лишь немтырей язык
не породит никогда заик
в зримое полностью вплёлся проник
точен заучен

ты же старайся звуки расста-
в лучшем порядке лучший состав
мыкайся костноязыко не вняв
общему слуху
но не молчи говори всё равно
больше тебе ни в чём не дано
сделать хоть что-либо новое но
хватит ли духу

девственную пустоту поя
влишь содержанье густое в не-я
солнце при этом не спутав поя
с тлением люстр
скажешь и тут же давай перевод —
всяк свой словарный выстраивал свод
впрочем над всем забегаая вперёд
высится — *устар.*

Действие 3

* * *

(из Ники Джорджанели)

Лето обернулось комаром.
Гравий нанесло поверх травы.
Прошлое явилось королём,
но сняло корону с головы.

Знай, пока ты радовался, твой
груз возрос, пока ты бередил
сонное пространство, громовой
дважды колокол уже пробил.

Молодость кончается — вот-вот
вспыхнет и погаснет навсегда:
плачешь — но в глаза, наоборот,
вспять идёт соленая вода.

Словно дивный сахарный изюм,
мысль жуёт свой мозг. В который раз,
надо мной, пробившийся сквозь шум,
стонет старости античный джаз.

* * *

Расцветает всё, что может, даже самый
неказистый неприглядный куст на крыше —
то весна воздвигла знамя над природой:
победитель, собирай свои трофеи!

Парфюмерия твоя не скроет правды,
как беспутная кутила, распускалась,
сколько дел наворотила — воротила,
от чего трещит по швам мошна тугая

и каких себе в подарочек тащила! —
самый цвет рвала охапкой, отбирая,
то гремящих, то тишайших, то любимых,
потрясая временами — именами.

Что ты просишь, беспокойный человечек?
Кто заметит в этом хламе лепестковым?
В этом пьяном птичьем гвалте кто расслышит?
Осторожен будь, не то не то получишь!

Говори же — мне не надо, мне не надо,
мне не надо ничего, что не имею:
ни больших богатств, ни славы своенравной,
ни летящего в ночи автомобиля.

Не хочу болеть высокою болезнью,
не хочу сгорать в огне негодованья,
не хочу страдать душою за отчизну,
не прошу и не зову судьбу иную.

Говори же — что ни скажешь — всё поглотит,
всё потопит разлитое цветенье,
ничего от человека не оставит —
лепестками каждый след его устелет.

* * *

дуры
с открытыми ртами
смотрят на
то ли жуков пролетающих
то ли кортеж президентский
ибо нет боле ничего ценного
ибо
не всё золото
лишь
блеск вечен

* * *

До нутра пронизан утренней прохладой город многолицый,
мускулы напряжил и помчался резво настигать добычу —
из кромешной лета дымовой завесы выступила осень,
подошла вплотную и явила то, что прежде было скрыто.

Снилось мне: над устьем времени иссохшим тишина нависла,
тыщепёрых духов воинство умолкло, не звучит природа,
голову подъяло чудище глубинных недр, и возгласило
суеты и страха царство, и пожрало сердцу дорогое.

Просыпаюсь — те же тьма кругом и холод хмурого рассвета —
в облаках тяжелых золото потускло — лучшее из лучших,
змеевые вьются по стеклу потоки, октябрем прижата,
век бы не вставала, ожидая смирно радостного утра.

Но берёт и движет жизнь рукой железной — поднимайся, Анна!
собирай крупницы разума и воли, обретай пределы
тела, постигая, с каждым новым вдохом, трудность воскресенья,
и ступай навстречу городу и миру целым человеком.

То, что плоть сминает, что скудит рассудок, речь твою граничит,
не способно духа вещества живого тлением коснуться.
О грядущем думать даже не пытайся, а когда раздастся:
Ты уже готова к осени конечной? — отвечай не медля!

ЧАС ПИК

*Не бойся ничего,
что тебе надобно будет претерпеть...*

Откр 2:10

переходы пахнут лилиями
и мочой
смят меж гражданами взмыленными
выбирай
в ад спускаться ль эскалаторами
скоростной
возноситься ль в улиц с матерными
мёрзлый рай

всех столица гуттаперчевая
кто в тебя —
погружаешь переперчивая
в бражный суп
перепутав дурищ с умницами
не любя
репетируя с неумершими
страшный суд

где одним досталась матовая
скукота
чтобы день за днём отматывая
проживать

а другим дана нечаянная
красота
дабы жизнь от тьмы отчаливая
прожигать

* * *

легко на сердце от предвиденной утраты
но важной тяжестью до верху полон воздух
он весь битком набит в нём наглухо упрятан
событий прежних ком да россыпь смыслов розных
едва вдохнёшь его и тут же нужен роздых

на первомайскую выходит люд весёлый
для них одних теперь сияет солнца сбиток
вернулись в прошлое и снова — новосёлы
им перемены мол несут один убыток
за ними время вслед сворачивает свиток

теряя запросто что бережно хранила
бесчеловечная как *Флора* Арчимбольдо
не сознающая в чем соль моя и сила
свищу цитатою — свобода есть свобода
на голове неся корзину небосвода

ни под одним вождём не в марше миллионов
не с теми кто и дня не может жить без строчки
в слоновьей родине родильнице заслонов
где всё прекрасное стремительно непрочно
как в небе ласточки и на земле цветочки

* * *

Ничего не жди — приберись в дому
постирай бельё приготовь обед
неожиданно возвратись к тому
для чего тебя слишком долго нет

ты уже была здесь не так давно
ты давно звала, напряги мозги
не оставь меня без тебя темно
хоть с тобой совсем не видать ни зги

помнит тело как сквозь него течёт
заливает рот разомкнув уста
клокоча журча задом наперёд
ключевая речь — холодна чиста

греть её теперь кровавым теплом
уплотнять сушить запасаться впрок
на сносях ходить дабы сам потом
обратился вспять речевой поток

оглянись смотри — неказист на вид
ибо изнутри красотой палим
твой двойник застыл по стеклу разлит
но плывут легки облака под ним

СТАНСЫ

Если имя слаще халвы,
плоть душистей хлеба, вина
крепче кровь, а сердце — пожар, —
становись покорней травы,
будь послушна, словно волна,
ибо силой не удержать

то, что сменит свойства, умрёт,
прекратится, станет иной
формой жизни, следует знать,
воплотившейся в женский род,
что не брать дано, но самой
отдаваться да отдавать.

Лето варит чёртовый сплав
в нём плывёт моя голова,
с ней от жара жухнет листва,
в нём, в каком порядке ни ставь,
плоские сухие слова
не вместят состав естества.

Мысль, в твоих пределах я — бог:
создаю и рушу миры,
всё могу, но, кожей уст
ощутив изогнутый слог,
низвергаюсь в недра муры
раздраженных органов чувств.

Я люблю тебя во плоти —
властный дух твой, терпкий твой вкус,
мощь и слитность, слабость и брешь,
каждое биенье в груди,
каждый комариный укус,
всякую случайную вещь,

всё, что безвозвратно умрёт,
в чём погрешность спрятана, сбой,
что, уже готовясь истлеть,
не даётся, наоборот
отбирает, тянет с собой,
всё, за чем исчезну вослед.

В мире, посмотри, всюду тишь,
ни движенья, ни ветерка,
каждый миг на вес — золотой.
Вот в такие просто молчишь,
зная, зная наверняка,
что ни скажешь, всё не про то.

ОБЕЗЬЯНА

Но горька была расплата.

Брента, я взглянул когда-то

В струи мутные твои.

В. Ходасевич

не трудно попасть в ловушку цитаты
вскормленному литературой
вот и тогда в питомнике для обезьян
из лаборатории по проведению научных экспериментов
в тесных клетках среди собственных испражнений вони и мух
(была жара)

заключённые в них тянули ладони
сквозь железные прутья в надежде получить
лакомый кусочек фруктов продаваемых там же
в прозрачных полиэтиленовых пакетах
дабы посетители не кормили питомцев
чёрте чем

как же мне пожимавшей руки
красавцам и красавицам
учёным музыкантам художникам поэтам
сильным мира сего властителям дум
не вспомнить было
ходасевичевскую обезьяну?

сколько горестного негодования
смешанного с отвращением и ужасом
выразил крик несчастной отпрянувшей вглубь клетки!
так оскорбительно было ей человеческое рукопожатие
что не справившись с обидой
она стремительно ринулась обратно
и расцарапала мне ладонь
до крови

будто сама природа
(что ей наша культура
поэзия цивилизации армии победы что
ей наше тщеславие)
заговорила:
выблядок
не смей подавать мне руки!

МАРТОВСКАЯ ПЕСНЯ

Как от мартовской трясась плясовой,
перемахивая лужи, грязной жижи страшась,
скачет, вечно недовольно собой,
тело — книжный червь, ночей бессонных сумрачный князь,
а души его — что бабочки искать!

На себя взваливши дел дребедень,
что твоя баржа заржавленная, трудно несёт —
долю бабью, раздражение, лень,
сумки, думы, а ему, верша разбойный налёт,
мажет март солёным солнцем по губам.

А над ним синеет так, как весной
лишь умеет влажно, нежно, тяжело синеветь
и пророчит птиц народец честной —
скоро снег совсем растопится, отступится смерть!
Тащит бабочка на ниточке баржу.

* * *

на узкой больничной кровати ржавой клеёнке смятой сырой простыне жестокой измучена длительной схваткой будущего с настоящим она поднимает голову жилами шеи от напряженья дрожа и рта раскрывая тёмную пропасть так что стёкла взвякивают в окне исходит криком в огромный живой невозможный влекущий парящий прозрачный зависший над ней многоцветный мерцающий шар

вернее не шар а собранье стечение свиток улитку моток где всё что ни есть то и было что было то будет — рожденье всего и гибель и снова рожденье и связку разрозненных сутей литую где миги весомы и мутен гремющий стремительный плотный поток веков в самый центр кричит в воронку времени жадное жерло его в тоннель коридор кричит и кричит в трубу его золотую

на узкой больничной кровати ржавой клеёнке влажном смертном одре жестокой измученный длительной схваткой будущего с настоящим едва поднимая голову жилами всеми от напряженья дрожа и рта раскрывая тёмную пропасть старик шелестит — *стал у края мудрей теперь ничего мне — где жало твое? — там больше не видится страшным вот мать выкликает кричит и зовёт исходить выходить поспешать*

ЦЕНТОН ИЗ НОВОСТНОЙ СТАТЬИ (1)

Валерию Нугатову

В Мексике
полиция арестовала поэта-каннибала,
который черпал вдохновение для творчества
в поедании своих любовниц.

В жилище Кальвы,
прямо на обеденном столе,
обнаружены блюда из человеческой плоти.
Куски человеческого мяса
найлены в холодильнике литератора,
а в контейнере для хлеба
обнаружены человеческие кости.

Главный судмедэксперт прокуратуры
Родольфо Рохо заявил,
что куски человеческого тела,
на сковородке
и
противне,
соответствуют отсутствующим частям на теле
найденной в шкафу
женщины.

До ареста Кальва занимался поэзией
и зарабатывал на жизнь,
продавая стихи на улицах Мехико.
Последнее, незаконченное его собрание стихов
называлось «Инстинкты каннибала».
На обложке сборника
изображено лицо автора в маске героя
американского триллера
«Молчание ягнят»
Ганнибала Лектора...

* * *

Утренний рынок. Грузинка красиво раскладывает на прилавке
Жирную зелень пучками — базилик, кориандр, укроп, эстрагон;
Высит спокойно нестойкие шаткие-валкие
Башни белёсые влагу точащего сулугуни.
Виноградный контрабандный — у ног её спрятан — стоит самогон;
В специальные ящички ссыпаны специи, — ветром пыльцу дорогую
Ароматом безумия вносит в выхлоп машинный и человеческий пот,
Где громадный город, объявший рынок, скорей — зачем неведомо — прёт.

Вот течёт и застыла чурчхела, подсвечена солнцем, из пальцев:
В ней на нити кручёной орехи и сок сжились намертво в сладость.
Точно эти, — кивает торговка в рассыпанный хор человек, —
Без разбора в тягучую участь, без выбора влипли;
Проживаньем недолгим до смерти залиты по самое темя;
Вязкий сок суеты им въедается в уши, в глазницах орешные ядра;
И текут и застыли, чего-то ища, но вотще — ничего им не надо, —
Точно нитью суровой продёрнуты — узами сшиты.

Тяжесть какая! Трещит основанье — куда ж ты волочишь такую —
Словно диковины с миру, собрав стыки, шатания, зелень и прах?
В целом свинцовую — четверть всего золотую —
Свалку убогую, дар свой избыточный, бесполезный?
А посмотришь — современности судно, на всех пролетая парах,
Вострубив напослед, исчезает из виду; и выше лежит повсеместно
Над хрущобами небо всеобщее, молча раскинув невод серый седой:
Что ни есть вбирая, страны не чуя, не помня времени под собой.

* * *

бродит осень смертью тленной смердя
каждый в холоде и старец и дитя
в осень каждый к смерти близок недалёк
раздувает жизни жалкий уголёк

где-то я стою наверно где-то ты
ничего не разглядеть от красоты
здесь такая красота — слепит слова
всё на ощупь нужно снова познавать

заводи меня часы мои тик-так
каждый в тлении и мудр и дурак
всякий осенью и нежен и жесток
всё в падении к земле летит листок

как всегда в меня входя меня меняй
сохраняй когда выходишь из меня
потрясай взметаёшь смотри меня насквозь
загребви свали сожги залей разбрось

можешь делать всё что хочешь — плоть тепла
холод мёртв в конце концов пора светла
тонких тканей только грубо не коснись
с высшим духом не смешай телесный низ

ВЕЧЕРНЯ

(из Шалвы Бакурадзе)

То, что я хочу рассказать, светлей
чем младенца смех и теплее рук
материнских, быть может.
Безмятежный сон, что лежит вокруг
бездорожья, там, где нехожен луг,
безмятежен сон, где трава служит ложем.

Океан небес, синевее всех
высей, чище всех, прежде виденных,
высей дальних — бескрайней.
Лишь глаза закрой, сердце вспомнит их
и увидит, лишь удержи на миг,
лишь дыханье на миг удержи, дыханье.

Знай, я пекарь и, на своем веку,
я влеку судьбу — что мука бела,
счастье — тёплое тесто.
Золотым, доставшимся бедняку,
солнцем полон рот — весь словарь дотла,
лишь люблю, люблю, люблю слов вместо.

Я рыбак — моя улыбка, на дне
глаз твоих блестит, разнежась, плывёт
рыбкой в светлой лагуне.
Твоего давно зная сердца ход,

понял лишь сейчас я своё и вот —
без тебя уже не могу, не могу, не могу, не...

Помню, как сейчас, как я покидал
незабвенную родину мою,
небеса с облаками,
в дом к тебе придя, подожди, когда
одиночество сгинет без следа,
под тобой простыню увлажню словами.

Я твоя жена, я тебе верна.
Я твой муж, Господу вверенный, я
муж твой, муж я твой верный.
Знаю, в главном, ты не поймёшь меня,
ибо слышишь всё из пределов сна,
соглашаясь: ветер, да, ветер в двери.

Вновь ложусь с тобой, моему в ответ
доверяется дыхание твоё,
и темнеют волос волны —
так, любя в тебе каждый жизни след,
я люблю твоё же небытие,
ну на что мне это, скажи, на что мне?

АРХИТЕКТУРА

ты барокко
я конструктивизм
то что мы вместе
это нелепо
просто чудовищно —
какое-то
архитектурное помешательство

когда соединяются
прямолинейность
скудость
угловатость
жесткость
моя
и
твоя
избыточность пышность выпуклости завитки
с ужасающим скрежетом напрочь съезжают крыши
проседают стремительно жадной землёй поглощаясь фундаменты
тучная толстокорая осыпаясь падает небесная штукатурка
рушатся с тяжким грохотом стены не выдержав натиска стилей
поднимая плотно клубящуюся пыль
ввысь — затмевая солнце
когда сливаются
воедино
наши
тела

то что мы вместе это настолько
нелепо невероятно неправильно
что может стать
ведущим направлением
на многие
последующие
века

* * *

Из хлябей разверзнутых в утренний двор
выходит ко мне святой Христофор
и смотрит в глаза, призывая:
«Последуй за мной, — я тебе покажу
всю тяжесть земную, наземную жуть, —
вот будет тебе призова

награда за то, что хотела узреть,
как зреет незримое, дабы впредь
суметь описать его верно;
такие откроются взору дела,
какие представить себе не могла,
живя себе смирно да мерно.

Навыорот исподволь поперёк
шныряют, проныривают наутёк
голодные следствий сцепленья,
и здравого смысла изглодана кость,
но всё же скрипит ещё старая ось
по высшему благоволенью.

Всё вроде как будто в порядке вещей,
но в частности вслушиваешься вотще,
растяпа, глухая тетеря, —
слова разложились на ноль-один-ноль

и к каждой калитке логин и пароль
и доступ свободный утерян.

Такая усталость и дряхлость во всём
лишь весело всюду гуляет, весом,
распада чернеющий росчерк,
и страшно и зябко и так хорошо:
наверное, время сбываться пришло
для самых недобрых пророчеств!»

Что он говорит? — не пойму ничего,
но знаю, что пёсего тела его
не встретить плачевней и гаже,
а этих замоскворецких дворов,
раскинутых вроде дворцовых садов,
нет в мире прощальней и краше.

ЦЕНТОН ИЗ НОВОСТНОЙ СТАТЬИ (2)

когда за утренним кофе
в новостной статье
читаю о том что
«молодой бизнесмен Поцелуев
покончил жизнь самоубийством
выстрелом в сердце
из огнестрельного оружия марки парабеллум
по предварительным данным
причиной послужила
несчастливая любовь»
я понимаю что в этом виноват
кризис поэтического книгоиздания
ибо поэзия не заключенная в переплёт
весьма опасная штука

НА ВЫПУСК СТРИЖА

Не нужна теперь безногую земля:
чуть почуял воздух вольный, так — фьюить
настригать по ветхой сини кругалю,
быстро в выси вензеля нарезать,
сиясь небо прободать — пробудить,
дабы легче пропускало благодать.

Нам, ногами прозябающим в земле,
Нам, смиренным, и наследовать её,
над иными возноситься, но не взле-
тая таять глиной, в глину назад
возвращаться, ибо небо своё
никому не доставалось без утрат.

Хладнокровное пернатое — урод,
смерть распластанному властью плоскостей
ждать недолго — недостаточность высот
перехватит дух, порвёт в пух и прах —
жёстко выстлана земная постель
и губительна для серпокрылых птах.

Вот проходит мимо грузный гражданин,
в земляное запелёнутый пальто,
он к корням своим привязан, он один
из таких же, кем порода сыта,
а паденья-воспаренья на то,
чтобы в сущности не делать ни черта.

Взял от ястреба да ласточки черты? —
так, стихии чуждой не черпнув крылом,
поднимайся в запредельную, черти
там судьбу свою, пей новую жизнь,
вся бездомному вселенная — дом,
только под ноги смотреть не вздумай вниз!

Почва жаждущая, жадная, пусти,
погоди, ещё наступит твой черёд
птичку эту спрятать в персти как в горсти,
а пока высокий ясный разлит
воздух августа и в небо зовёт:
пусть летит кто был недавно инвалид.

О земле уже не помня, обо мне,
над Коломенским, удушливой Москвой,
в синей пропасти, кошмарной вышине,
над планетой к звёздам, коих не счесть,
мой безногий, птенчик, стриж — не герой
сделал круг — мелькнул за облаком — исчез.

Об авторе

Анна Золотарёва родилась 1978 г. в Хабаровске. Окончила Хабаровский государственный институт искусств и культуры по специальности «Психолог – социальный педагог».

Стихи и переводы публиковались в журналах: «Дружба народов», «Другое полушарие», «Дети Ра», «Крещатик», «Новый мир», «Октябрь», «ШО»; в альманахах: «Абзац», «Альманах Академии Зауми», «Гвидеон», «Кольцо „А“»; в антологиях: «Антология современных российских поэтов» (Пекин: Народная литература, 2006), «Лучшие стихи 2010 года» (М.: ОГИ, 2012). Рассказы печатались в альманахе «Абзац» и в сборнике: «В облупленную эпоху» (серия «Проза еврейской жизни»; сост. Асар Эпель; М.: Текст, Книжники, 2012). Переводы детских стихов еврейских поэтов начала XX века опубликованы в книге «Зелёная Утка» (М.: ОГИ, 2010).

Участница многих российских и международных поэтических и переводческих фестивалей. Лонг-лист премии «Дебют» (2011), лонг-лист премии им. Ю. Казакова за лучший рассказ (2011), дипломант поэтического конкурса им. М. Волошина (2012).

Живёт в Москве.

Содержание

Действие 1

- «дерево видеть как дерево...» 7
«Это чужое во мне говорит...» 8
«Ты иди, ты иди — я пойду за тобой...» 9
«Тени сливаются, шествуют грузно...» 10
«И море встало за окном...» 12
«Господи, сколько ж мне дадено!...» 13
«поговорим за жизнь...» 14
Сумерки 15
«здесь конечно же все пахнет востоком...» 17
Фотоувеличение 18
«квартира — из которой выносят вещи...» 19
«движутся сквозь меня...» 20
Имя 21
«едоки километров в пропотевших и душных вагонах...» 22
«всю ночь прозрачный шостакович...» 23
«не стихи писать а словесной ватой...» 24

Действие 2

- «Что ты стоишь притаясь у порога?..» 27
«с лицом ли дурацким с заумною песней...» 28
Арахна 30
Вешнему Теплу 31
«бедной мелочью звеня...» 33
В Ангеловом переулке 34
«этот рассвет разрушитель предметов и линий...» 35
Быки Пикассо 36
«Что я могу вообще обеща-...» 37

Содержание

Действие 3

- «Лето обернулось комаром...» (из Ники Джорджанели) 41
- «Расцветает всё, что может, даже самый...» 42
- «дуры...» 44
- «До нутра пронизан утренней прохладой...» 45
- Час пик 46
- «Легко на сердце от предвиденной утраты...» 48
- «Ничего не жди – приберись в дому...» 49
- Стансы 50
- Обезьяна 52
- Мартовская песня 54
- «на узкой больничной кровати ржавой клеенке смятой сырой
простыне...» 55
- Центон из новостной статьи (1) 56
- «Утренний рынок. Грузинка красиво раскладывает на прилавке...» 58
- «бродит осень смертью тленною смердя...» 59
- Вечерня (из Шалвы Бакурадзе) 60
- архитектура 62
- «Из хлябей разверзнутых в утренний двор...» 64
- Центон из новостной статьи (2) 66
- На выпуск стрижа 67
- Об авторе 69

Анна Золотарёва

ЗРЕЛИЩЕ

Книга стихов

Ответственный редактор Максим Амелин

Выпускающий редактор Ольга Старикова

Компьютерная верстка: Станислав Валишин

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

109028, Москва, Покровский бульвар, д 14/6

Факс/тел.: +7 (495) 626-24-70; e-mail: izdatelstvo.ogi@yandex.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВ ОГИ И Б.С.Г.-ПРЕСС МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

- Книжный магазин «Москва», м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, д. 8. Тел.: (495) 629-64-83, 797-87-17.
- ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1. Тел.: (495) 781-27-37.
- Московский дом книги, м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8. Тел.: (495) 789-35-91.
- Дом книги «Молодая Гвардия», м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28. Тел.: (495) 238-50-01.
- Книжный магазин «Фаланстер», м. «Пушкинская», «Тверская», Малый Гнездиковский пер., д. 12/27. Тел.: (495) 629-88-21.
- Сеть магазинов «Республика». Тел.: (495) 251-65-27.

В РОЗНИЦУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

- Санкт-Петербургский Дом книги, м. «Невский проспект», «Гостиный двор», Невский проспект, д. 28. Тел.: (812) 448-23-55.
- Сеть магазинов «Буквоед». Тел.: (812) 601-0-601.
- Книжный магазин «Все свободны», наб. Мойки, 28. Тел.: +7 (911) 977-40-47.

ОПТОМ

- КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва, Покровский бульвар, д 14/6. Тел. (495) 626-24-72; +7 (915) 110-36-50.
- «А. Симпозиум», Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., д. 5/7. Тел. (812) 325-66-61.

Наши книги в электронном формате можно найти по адресу:

www.bibliorossica.com/publishers.html

Подписано в печать 22.10.2012. Гарнитура Оффина.

Формат 60×90¹/₁₆. Объем 4,5 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №